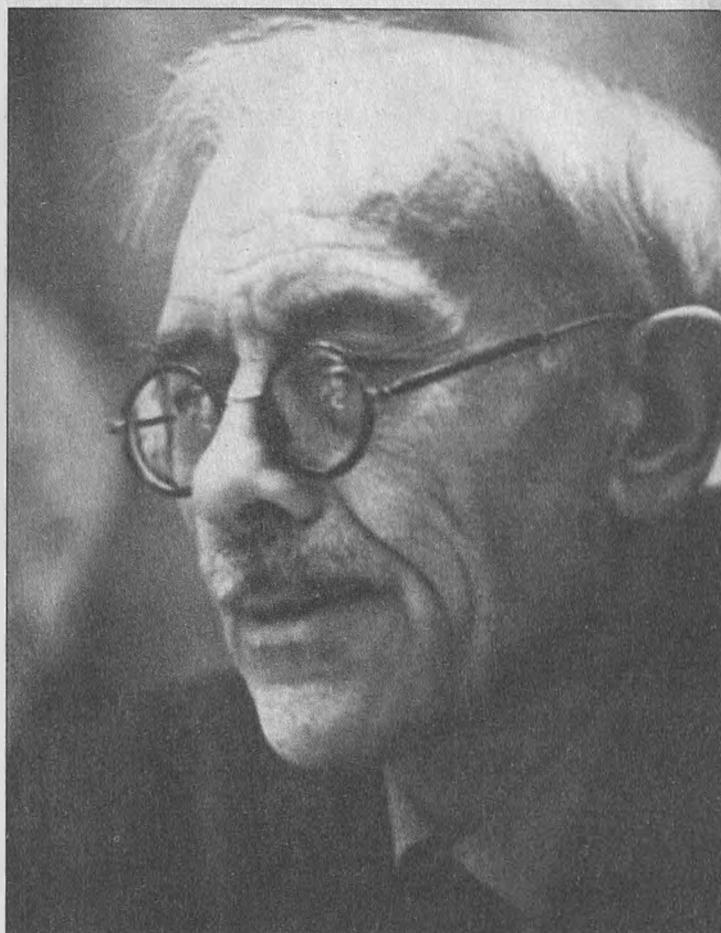

Культура. — 2002. —
14-20 февр. — с. 16

Век Барановского

До сих пор ходит легенда, что именно он спас собор Василия Блаженного

П. Барановский. 1970-е гг.

ветской власти, накануне высылки в Мариинский западносибирский лагерь заключенных, на единственном свидании с женой он сразу спросил: "Стоит?" — "Стоит, стоит", — успокоила его Мария Юрьевна. Речь шла о соборе Василия Блаженного. В этой истории весь Петр Дмитриевич. Для него не существовало ничего, кроме памятников архитектуры, за которые он боролся и которые реставрировал в годы, когда памятники эти уничтожились. Не было ни страха, ни собственного здоровья, ни зачастую здоровья друзей и близких — была только

каждодневная круглосуточная яростная борьба. За церкви, храмы, усадьбы.

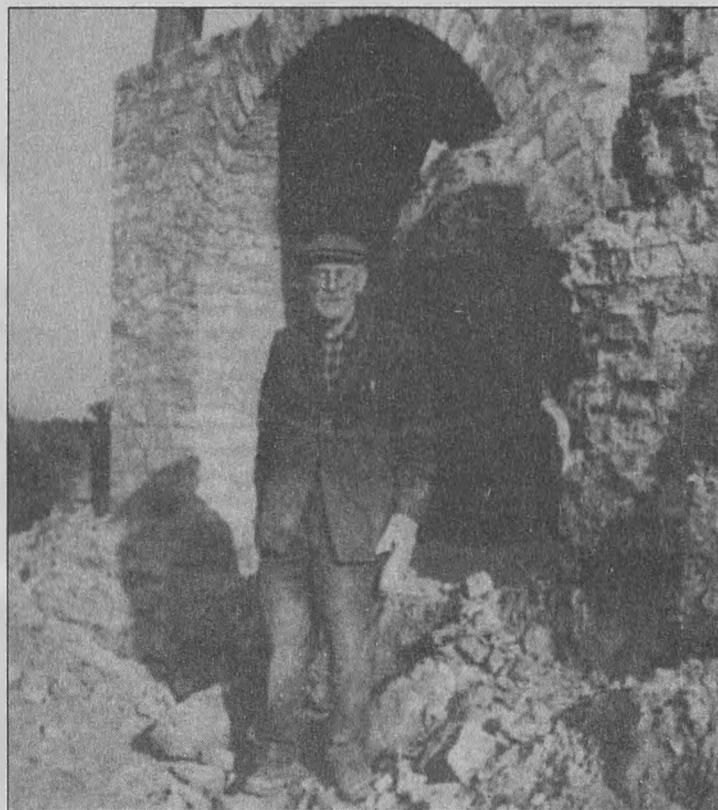
Часто он, едва успев обмерить тот или иной памятник, становился свидетелем его гибели. Но остановить Барановского было просто невозможно. Его можно было только уничтожить, но, по счастью для него и для всех нас, этого так и не произошло. Петр Дмитриевич ушел внезапно двух лет от роду, чуть-чуть не дожив до начала перестройки. Даже в лагере он умудрился создать ампиный дворец из самана — здание сельскохозяйственного му-

зея. За работу в местах заключения Барановский получил мандат "Ударника сибирских лагерей" — символ, по выражению автора книги о Петре Дмитриевиче Юрия Быкова, цинизма и человеческого бесправия.

А потом, не успев вернуться и получить разрешение на поселение в ста километрах от Москвы, в Александро-Введенском устье Азербайджана неизвестного доселе храма... Загадочная история раннехристианской Кавказской Албании неожиданно обрела свое материальное очертание, когда Барановскому удалось открыть и обмерить круглый древнейший храм, своего рода подобие великого памятника архитектуры в Звартноце. Ныне покойный архитектор-реставратор Г.И.Гуныкин вспоминал о неистовом упорст-

влях связана реконструкция этого храма на Красной площади.

А затем была огромная многолетняя работа в Закавказье, в Кавказской Албании. Там он обмерил и начал реставрацию немислимого количества древних памятников, но, пожалуй, наиболее фантастическим было открытие им в Лекитском ущелье Азербайджана неизвестного доселе храма... Загадочная история раннехристианской Кавказской Албании неожиданно обрела свое материальное очертание, когда Барановскому удалось открыть и обмерить круглый древнейший храм, своего рода подобие великого памятника архитектуры в Звартноце. Ныне покойный архитектор-реставратор Г.И.Гуныкин вспоминал о неистовом упорст-

В Болдино. 1966 г.

ве и изобретательности Петра Дмитриевича, когда тот, чтобы измерять пещерный храм на отвесной скале, на очень большой высоте, просто как акробат взбирался по отвесным скалам. Ту же почти цирковую ловкость этот уже немолодой человек проявлял, занимаясь реставрацией "Черниговской пятины" — почти полностью разрушенного памятника архитектуры XII века. Тогда, на двадцатиградусном морозе, он взбирался на обледенелые стены, готовые вот-вот рухнуть. Его смелость поражала всех, кого Барановский встречал на дороге жизни. Так, еще в 1910-м, восемнадцати лет от роду, он почти до смерти испугал игумена Болдинского монастыря, древнейшего памятника, стоящего возле старой Смоленской дороги между Дорогобужем и Вязьмой. Петр Дмитриевич, вместе с братом скотлив лестницы и кочeneя на ветру, измерял шатровый верх Введенской церкви. И почти то же самое повторилось уже под закат жизни, когда Барановский несколько раз падал с лесов, руководя реставрацией Крутицкого подворья в Москве.

Сколько всего он успел сделать за свою жизнь — подсчитать очень трудно, да и, наверное, просто невозможно. Здесь и спасенный ансамбль церквей Ярославля, разрушенный после езеровского мятежа, и спасение памятников Севера, и создание музея в Коломенском, когда для этого заповедника древнего русского зодчества под открытым небом были буквально по бревнышку собраны шедевры русской архитектуры. Это и обмер старинных церквей в районах рек Северная Двина, Пинега, Онега. Это и реставрация Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и Петропавловского храма в Смоленске. Это и реставрационные работы в музеях Александровской слободы и Троице-Сергиевой лавры. Это и уже упоминавшаяся работа по реставрации и обмеру памятников Закавказья, и создание Музея-заповедника Андрея Рублева в Андрониковом монастыре в Москве, причем Петр Дмитриевич сумел рекон-

струировать место захоронения и установить время смерти великого иконописца.

Фантастические знания древнерусской культуры сочетались у Барановского с поразительным инстинктом ученого-исследователя. Один из его любимых учеников, создатель Музея-усадьбы Грибоедова в Смоленской области "Хмелита" Виктор Кулаков, вспоминал, как Петр Дмитриевич безошибочно указывал места, которые надо было расчищать, чтобы добраться до первоначального облика здания. Он, словно рентгеном, просвечивал разрушенные и уничтожаемые памятники культуры.

Также он определял и своих учеников, так он вырастил Александра Пономарева, Олега Журина, так он разглядел в молодом слесаре будущего спасителя "Хмелиты" Виктора Кулакова. А что говорить о невероятной фантазии мастера, о впервые придуманном им методе реставрации разрушенных и застроенных зданий прошлого. Чего стоит только один способ восстановления форм архитектурных памятников XVII — XVIII веков, когда Барановский предложил реконструировать утраченные элементы декора путем восстановления сохранившихся в толще стен остатков первоначальной кирпичной кладки.

Очень сложно четко сформулировать, "показать на пальцах" все, что этот необыкновенный человек, великий реставратор Петр Дмитриевич Барановский сделал для России и для мира. Потому что, не будь его, мы бы все были другими. И намного хуже. Потому что очень трудно измерить, сколько душ спасается от дурных мыслей и злобы, когда на горизонте люди видят силуэт церкви. Или когда среди грязи и пыли большого города вдруг возникает старинный и очень красивый дом. И, вспоминая Барановского, которому в эти дни исполняется 110 лет, еще и еще раз благодаришь судьбу, что он жил в самом тяжелом для России веке.

Виктор ЛЕОНИДОВ